

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-211-220>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Л. А. Спиридонова
г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О НОВАТОРСТВЕ М. ГОРЬКОГО

Аннотация: В советском литературоведении новаторство М. Горького обычно связывали с его революционной деятельностью, называя его «первым по времени и по рангу пролетарским писателем» и «основоположником социалистического реализма». Штампы марксистско-ленинской эстетики настолько плотно пристали к писателю, что дожили до наших дней. В статье с новых методологических позиций рассматривается творчество М. Горького, который с самого начала деятельности стремился создать свой метод изображения жизни с высоты будущего. Анализируя роман «Мать», который считали первым произведением социалистического реализма, автор показывает, что этот роман был неразрывно связан с философско-эстетической системой Серебряного века, а его жанр (роман-утопия) созвучен романам А. Богданова «Красная звезда» и Ф. Сологуба «Творимая легенда». Органическое соединение нищезанятия с марксизмом, а богостроительства с реалистическим описанием революционного движения в рабочей слободке было поистине новаторским. Искренняя вера М. Горького в социализм, который может стать новой религией трудящегося человека, впервые была выражена в художественном произведении как утопическая мечта о счастливом будущем России. Социалистическое мифотворчество в сочетании с реализмом и романтизмом создали новаторский метод изображения действительности, который характерен для «Сказок об Италии», автобиографической трилогии и «Жизни Клима Самгина»... Творчество М. Горького было связующим звеном между культурой Серебряного века и советской литературой.

Ключевые слова: М. Горький, новаторство, реализм, модернизм, творческий метод.

Информация об авторе: Лидия Алексеевна Спиридонова — доктор филологических наук, профессор, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Поварская ул., д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: spirid@mail.ru

Дата поступления статьи: 14.03.2021

Дата публикации: 28.12.2021

Для цитирования: Спиридонова Л. А. К вопросу о новаторстве М. Горького // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 211–220. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-211-220>

Критики в разных странах уже в конце XIX в. признавали творчество М. Горького новаторским. При этом каждый из них выделял определенное свойство его про-

изведений, наиболее характерное для нового времени. В. Поссе назвал писателя «певцом протестующей тоски», В. Боцяновский определил новизну его ранних рассказов как «погоню за смыслом жизни», А. Скабический обнаружил «синтетический характер горьковского художественного мышления» [9, с. 225–399]. Иногда выводы критиков даже противоречили друг другу. В отличие от тех, кто считал М. Горького пессимистом и ницшеанцем, Л. Оболенский назвал его основным свойством песни надежды и веры, бодрящие, заставляющие подняться “*excelsior*” (выше) [10].

Интересен отзыв Иннокентия Анненкого, который написал в «Книге отражений»: «После Достоевского Горький, по-моему, самый резко выраженный русский символист. Его реалистичность совсем не та, что была у Гончарова, Писемского или Островского» [1, с. 74]. Прочитав драму «На дне», критик отметил загадочность и необычность масок его героев. Он писал: «Это внутреннее несоответствие людей, их положений, эта жизнь, мыслимая поэтом как грязный налет на свободной человеческой душе придает реализму Горького особо фантастический, а с другой стороны, удивительно русский колорит <...>. Главное — идейные запросы его чуткой артистической природы» [1, с. 75]. И. Анненский делает вывод: «Читая его, думаешь не о действительности и прошлом, а об этике и будущем» [1, с. 75]. Это надолго закрепились в горьковедении и дожило до наших дней. И хотя в конце XX в. были разрушены методологические стереотипы советских лет, они до сих пор мешают читателям оценить истинное содержание этого новаторского произведения.

Певец свободного Человека и его Разума, М. Горький показал миру Россию и русского человека во всем многообразии и сложности его национального характера. А. Куприн писал: «Россия — это не Европа и не Азия, это — страна самых неожиданных решений, это край Степана Разина, где жадность и самоотвержение, подлость и бесстрашие, трусость и презрение к смерти так удивительно переплелись, как нигде в мире. Вот тут-то он и есть — Горький» (Архив Горького. Кгп-41-10-1). Главное художественное открытие писателя — постижение России и ее народа. Начав с феномена босячества, М. Горький изобразил все типы русского человека — от пролетарского революционера до либерального интеллигента, от «задумавшегося купца», которого тяготит бесцельная жизнь, до мечтателя и странника.

Никто другой не смог с такой проникновенностью показать душу народа, который он сравнивает то с неуправляемой морской стихией, то с Богом-чудотворцем, то с Иванушкой-дурачком, гонящимся за недостижимой птицей счастья. А. Ремизов писал: «Горький по трепетности слова идет в ряду с Чеховым, который своей тихой горечью не менее нужен для человеческой жизни, как и горьковское гордое сознание человека, без чего дышать нечем. Слово у Горького — от всего бунтующего сердца» [11].

«Литература о рабочих и для рабочих», возникшая на Западе задолго до начала творчества М. Горького существенно отличалась от ранних рассказов писателя, которым присущ более высокий художественный уровень и философская наполненность. Причины «притягивания» М. Горького к пролетарскому революционному движению понятны. Оппозиционно настроенным кругам русского общества, в том числе социал-демократам, были близки пафос свободы, утверждение самоценности человеческой личности, прославление революционной бури, характерные для его творчества.

М. Горький, как известно, приветствовал «смерть» реализма. Его ранние рассказы озадачили В. Короленко, который не знал, кем выступает в них автор: реалистом или романтиком [6, т. 16, с. 170]. Они и вправду были написаны как будто разными писа-

телями. Впоследствии М. Горький попытался создать синтез разных методов в одном произведении. Социализм, который был для него лишь утопией в 1906–1907 гг., он попытался изобразить как новую веру русского народа, мечтающего о справедливой жизни.

Не удивительно, что советские идеологи «притянули» «Мать» к марксизму-ленинизму и сделали роман первым произведением социалистического реализма. Объясняется это просто. В 1930-х гг., когда М. Горький вернулся в СССР, советскому правительству и лично И. В. Сталину нужно было показать миру, что писатель увидел свою давнюю мечту о социализме реально осуществленной в Советском Союзе. А социалистическое мифотворчество, характерное для многих его дореволюционных произведений, отвечало главной идее теоретиков-марксистов — заставить советских писателей изображать желаемое как реальное, чтобы целью жизни народа стал ударный труд во имя великого коммунистического будущего. И М. Горький был сделан «основоположником социалистического реализма».

Зарубежные слависты объясняют это необычной биографией писателя, которая стала «легендой в целях Советов» [13, с. 27]. Но вряд ли биография на самом деле объясняет новаторство писателя. Оно прежде всего заключалось в своеобразии Горького-художника, с которым действительно не мог сравниться ни один из советских писателей. Идея по пути синтеза реализма, романтизма и социалистического мифотворчества, он и вправду стал родоначальником новаторского метода изображения действительности в литературе.

Во второй половине июля 1931 г. в Институте литературы и языка Коммунистической академии прошла большая конференция, посвященная М. Горькому, недавно вернувшемуся из Сорренто. В ней приняли участие П. Коган, С. Динамов, Ф. Головенченко, В. Сидорин, Ф. Канаев и др. Дискуссию открыл А. В. Луначарский, выступивший с докладом «Горький-художник». Назвав писателя классиком мирового уровня и «одним из вождей пролетарской литературы», он попытался показать, в чем же состоит своеобразие его творческого почерка. По мнению А. В. Луначарского, новаторство М. Горького заключается в том, что он «художник-социалист и материалист-диалектик», великий реалист, который «выражал правду пролетариата» [8, с. 65].

Не удивительно, что в Коммунистической академии именно так оценивали творчество М. Горького. Вульгарный социологизм и классовый подход к литературным явлениям были присущи не только профессорам и аспирантам ИЛИЯ, но и журналу «Литература и искусство», органу марксистской критики и методологии, где были опубликованы итоги дискуссии. Однако подобные оценки давно пора пересмотреть. Не будучи ортодоксальным марксистом и даже в советскую эпоху не отказавшись от своего собственного понимания социализма, писатель с самого начала творчества создавал новаторское искусство, соответствующее требованиям эпохи.

Идея обновления творческих методов и поиск художественного синтеза были характерны для литературного процесса в России конца XIX – начала XX вв., что выразилось в возникновении неореализма и неоромантизма. Об этом писали как реалисты, так и модернисты. М. Волошин утверждал, что «поэт должен занять такую перспективную точку зрения, откуда он мог бы увидеть всю современность сверху, целиком включенную в общее нарастание истории, как один из связных актов человеческой трагедии» [2, с. 21].

Социальный романтизм в сочетании с историзмом и умением оценивать настоящее с точки зрения будущего — вот что определяло творческое кредо М. Горького. Его

новаторство отчетливо сказывалось не только в поисках нового метода, но и в поэтике. На пути синтеза социализма с религией, а ницшеанства с марксизмом, характерного для многих художников-символистов, складывалась и новаторская система жанров. Обратимся к истории создания хрестоматийной «Матери» и попытаемся определить ее жанр.

Небольшое по объему произведение с явными признаками традиционной повести очень сложно по своему идейному содержанию и поэтике. Задумав написать повесть о социализме, который проникает в сознание русских рабочих, М. Горький сделал главной героиней произведения Мать. Он искренне верил, что у истоков новой жизни должна стоять Женщина. Живя в Америке, писатель представлял себе весь мировой процесс как «шествие *детей* к правде» [4, с. 210]. Правдой для писателя была в тот период идеология социал-демократии и твердая уверенность, что новая жизнь в России начнется только после пролетарской революции. Лидеру американских социалистов Морису Хилквиту он сообщил: «Сейчас пишу большую повесть “Мать” — это хроника роста революционного социализма среди рабочих фабрики. Вот, пускай американцы купят и поучатся у русских рабочих — понимать социализм [4, с. 154].

Сам он понимал социализм как новое жизнетворчество, которое освободит бедных от унижений и страданий, а богатых от навязчивой страсти к обогащению и мещанских предрассудков. Не будучи ортодоксальным марксистом, М. Горький видел революцию в романтическом ореоле, а не в жестких рамках классовой борьбы пролетариата и буржуазии. Поэтому первая американская редакция «Матери» отразила пафос преобразования души человека, охваченного идеей революции. Она сравнивается с солнцем, тепло и свет которого помогают зажечь сердца людей. Призывая создать «одно сердце в жизни», Мать верит, что так и будет.

Она взмахнула рукой в небо
 — Там — солнце!
 И ударила себя в грудь.
 — Здесь зажгут другое, величайшее небесного, солнце счастья человеческого, и навеки оно осветит землю, всю ее и всех живущих на ней — светом любви каждого человека ко всем и ко всему.! [5, с. 160]

В процессе работы, которая продолжалась на Капри в 1907 г., М. Горький расширил замысел произведения, решив показать, как учение социал-демократов постепенно замещает в душах людей христианскую религию. Под влиянием идей американского философа У. Джеймса о многообразии религиозного «опыта» и работ А. Богданова, В. Базарова, А. Луначарского, с которыми сблизился на Капри, писатель решил, что социализм может стать новой верой трудового человека в России. Неграмотная вдова рабочего Ниловна, которая, поверив в новую «правду сына», распространяет ее в народе (на фабрике и в деревне) приобретает облик Богоматери. Большевик Павел Власов выступает в роли Иисуса Христа, а его друзья напоминают 12 апостолов. Все произведение после расширения и углубления замысла стало синтезом реалистической хроники революционных событий 1902 г. в Сормове и мифологического «евангелия для пролетариата».

Совмещение реалистических и модернистских художественных приемов в рамках одного произведения потребовало и трансформации его жанра. Главным героем произведения стал Павел, а повесть превратилась в роман, сильно расширившись в объ-

еме. На Капри была окончена вторая часть произведения, где появилась сцена суда над Павлом Власовым и его друзьями, его речь «Мы социалисты», были созданы новые образы революционеров-интеллигентов, в работу которых включается Ниловна. Здесь отразилась богостроительская символика, обильно зазвучавшая в речах Матери. Так, во второй редакции повести были ее слова: «Чтобы изменить эту жизнь, чтобы освободить всех людей, воскресить их из мертвых, как я воскресла — уже пришли люди, дети божи, которые тайно сеют святую правду в жизни» [5, с. 36].

Текст повести наполнился большим количеством библейских аллюзий и текстов, приносимых разными героями, например: «Вот почему мы слишком рано забываем, что человек никогда не умрет, если мы не захотим, чтобы исчезло наше представление о его человечности, его самоотверженном труде ради победы правды и счастья. Мы забываем, что все должно быть живо в живых сердцах. Не торопитесь хоронить вместе с человеческим телом это вечно живое, вечно светлое. Церкви разрушаются, но Бог — бессмертен!» [5, с. 112].

Известно, что В. И. Ленин, прочитав именно эту редакцию «Матери» в машинописи, критиковал М. Горького за элементы богостроительства и христианские аллюзии. Г. Плеханов в статье «О так называемых религиозных исканиях в России» упрекал М. Горького в нехарактерных для него художественных приемах и идеалистической трактовке марксизма. Большевикский критик В. Воровский прямо назвал образ Ниловны «надуманным и маловероятным», сделав вывод о нетипичности изображенного в романе [3, с. 267].

В третьей редакции произведения, сделанной в 1922 г., М. Горький убрал большинство «богостроительских» мотивов, сильно сократив произведение. Он постарался сделать образ Ниловны более реалистичным, исключив не характерные для простого человека слова и речевые обороты. Это коснулось и взаимоотношений матери с Софьей и Николаем. Исчезло их предложение Ниловне поработать в подпольной типографии революционеров («Я буду кухаркой. Я смогу это делать») [5, с. 170]. Исчезли подробные описания чувств и ощущений Ниловны на суде Павла и его товарищей. Безжалостно были выброшены красивые описания природы, увиденные глазами матери. И еще более безжалостно — сцены восприятия музыки, которая звучит в романе. Чаще всего это произведения Грига и других скандинавских композиторов, которые обычно играл для М. Горького Н. Е. Буренин, когда тот работал над первой редакцией «Матери». И хотя писатель оставил название жанра «повесть», ее центральной героиней снова стала Мать, а основная идея углубилась и расширилась с учетом того, что в России уже произошла революция.

В 1922 г. завершилось развитие замысла М. Горького, который создал три разных редакции произведения: американскую, «богостроительскую» и советскую. Но главной героиней романа осталась «душа воскресшая» Мать. Поясняя смысл романтического взгляда на женщину, который был ему свойственен, 11 января 1928 г. М. Горький писал Н. Чертовой: «Не понимайте мой титул “мать” чисто физиологически, а — аллегорически: мать мира, мать всех великих и малых творцов “новой природы”, новой жизни...» [9, с. 154]. Философская наполненность произведения позволяет назвать его романом, но романом особого рода. Его идея изначально была утопична, а образы явно идеализированы, что характерно для романа-утопии.

Сопоставим «Мать» с романом А. Богданова «Красная звезда» (1908), повествующем об идеальном коммунистическом обществе, существующем на Марсе. Инженер-большевик Леонид, участник революции 1905 г., отправляется вместе с марсианами

на красную планету и узнает, что коммунизм возник там еще во время строительства марсианских каналов. С тех пор наука и техника так далеко шагнули вперед, что марсиане могут совершать космические полеты на Землю и Венеру, открыли внутриаомную энергию, саморегулирующиеся организмы, знают о компьютерах и телевизорах. Они широко используют «организационную науку»: все заняты разумным творческим трудом, переходя из одного учреждения в другое, и даже победили инстинкт собственника. Их беспокоит только недостаток радиоактивных материалов, которые они пытаются добыть на других планетах.

Роман А. Богданова — это научная утопия, которую роднит с горьковской «Матерью» вера в безупречность модели социализма для русского общества. Утопия, как изображение идеального общественного строя в прошлом или будущем, основана на критике современного строя в любой стране. М. Горький и А. Богданов, будучи социал-демократами, протестуют против самодержавного строя в России и создают идеальную модель будущего. Однако у А. Богданова утопия построена на фантастике, осложненной его «организационной наукой» и предвидением новых технических открытий. У М. Горького реалистическое описание жизни рабочей слободки и революционного движения в Нижнем Новгороде и Сормове сочетается с мифопоэтической символикой. Народная толпа на демонстрации сравнивается с символом революции Буревестником: «Теперь толпа имела форму клина, острием ее был Павел, и над его головой красно горело знамя рабочего народа. И еще толпа походила на черную птицу — широко раскинув свои крылья, она насторожилась, готовая подняться и лететь, а Павел был ее клювом» [6, т. 8, с. 157]. Романтизация самой идеи революции привела к проповеди социализма как нового Слова Божьего.

Искренняя вера, что социализм станет новой религией трудящегося человека в России и поможет изменить несправедливый социальный строй, спланирует героев повести «Мать» в одного Человека с большой буквы, полного неисчерпаемой силы. Ниловна говорит о друзьях сына: «...хотя у каждого было свое лицо, — для нее все лица сливались в одно, спокойно решительное, ясное лицо с глубоким взглядом темных глаз, ласковым и строгим, точно взгляд Христа на пути в Эммаус» [6, т. 8, с. 108]. Апостолы новой веры, они идеализированы автором, поэтому изображены иконописно и исключительно светлыми красками. Характерный для утопии контраст настоящего и будущего М. Горький передает с помощью чередования черных и белых тонов: изображение грязной слободки и ясного солнечного дня забастовки, отжившие свой век судьи и молодые, полные сил подсудимые, утверждающие правду социализма. Характерно для утопии и отсутствие в произведении индивидуализированных характеров, за что М. Горького постоянно упрекали критики, отказывая «Матери» в художественности.

Другие признаки утопии как жанра (замкнутость пространства действия, оторванность идеала от реальности) тоже можно найти в «Матери» М. Горького. Действие происходит в пределах одного небольшого провинциального местечка, центром которого является фабрика. Отдельные отступления («хождение» Ниловны и большевиков-интеллигентов в деревню) даются в духе идеи о необходимости создании нового Бога для народа, т. е. выпадают из реалистического развития событий. Все это заставляет признать, что «Мать» как роман-утопия отразил новаторские поиски М. Горького-художника. В нем впервые в русской литературе социализм был изображен как проявление духовной жизни русского народа, мечтающего о свободной и счастливой жизни. Отражив наиболее актуальные религиозно-философские искания своего времени, писатель попытался создать новаторский метод отображения жизни.

Утопия как способ изображения мечты теурга была характерна для творчества многих писателей-символистов в Серебряном веке. Напомним хотя бы созданный в 1907–1913 гг. мета-роман Ф. Сологуба «Творимая легенда», призывающий к преображению жизни с помощью творческой воли творца. Миф о победителе Георгии Триродове, «творящем чудо», сопровождается образами утопической земли Ойле или королевства Остров, символизирующего Россию. Если сопоставить «Творимую легенду» с «Матерью», можно сказать, что «теург» М. Горький тоже берет кусок реальной жизни (рабочая демонстрация 1902 г.) и превращает его в легенду о социализме как новом «слове Божиим». Иными словами, горьковская «Мать» отвечала духу своего времени, а не интересам создателей социалистического реализма.

Следующим этапом на пути М. Горького к созданию новаторского метода стали «Сказки об Италии» (1911–1913). По жанру они фактически являются художественными очерками. Романтическая мечта о новом человеке, характерная для всего творчества М. Горького, превращает их в сказки. Та же мечта служит идейным стержнем автобиографической трилогии писателя, которая по жанру является автобиографической прозой. М. Горький воссоздает реальную ситуацию, в которой проходили его детство и юность, мастерски рисует образы родных, обстановку, в которой он жил «в людях». Но все это — лишь канва, по которой писатель искусно вышивает произведения, наполненные сложной морально философской проблематикой. Он создает миф о себе самом, ибо Алеша Пешков — не просто мальчик, а новый человек, который растет в России, преодолевая «свинцовые мерзости» жизни.

Описание реальных событий превращается в «жизнестроение», столь популярное в литературе Серебряного века. Можно сказать, что именно в автобиографической трилогии М. Горький, наконец, достиг успеха в создании новаторского метода изображения действительности с точки зрения будущего. Творя миф о себе самом, писатель подчинил все реальные факты определенной художественной задаче, поэтому биографический, литературный и исторический контексты образуют сложный синтез.

Новаторство М. Горького особенно наглядно, если рассматривать его автобиографические повести как средство самопознания. Европейские философы-постсимволисты (Р. Паскаль, В. Дильтей, Ж. Гюрсдорф и др.) создали теорию автобиографизма, согласно которой рассказ от первого лица может содержать большую дозу вымысла, и это свидетельствует о личности самого автора. По их мнению, важна не «истина фактов», а «истина человека», служащая выражением глубины его внутренней жизни. По мнению Р. Паскаля, автобиография может рассматриваться как подлинный портрет личности человека, даже если сообщаемые в ней факты лишь отчасти правдивы [12]. М. Горький намного опередил свое время: не зная никаких теорий научного автобиографизма, он именно так строил свою трилогию.

Анализ эволюции творческого метода М. Горького позволяет отвергнуть устоявшуюся мысль о том, что новаторство писателя заключается в том, что он был «основоположником социалистического реализма». Идя по пути синтеза разных методов и стилей, не отвергая влияния модернизма, писатель создавал свой собственный неповторимый метод, который не имеет никакого отношения к теории социалистического реализма, разработанной без его участия. Пора уже не смешивать творчество писателя и историю советской литературы, которая пока еще ждет объективного изучения с точки зрения метода. Это не значит, что не нужно замечать влияния М. Горького на многих советских писателей. В частности, его новаторство в области жанров было подхвачено советской литературой: «песня», заменяющая восторженную оду революции («Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике»), широко распространилась в творчестве пролетарских поэ-

тов, а роман-утопия воскрес в творчестве А. Толстого («Аэлита»), А. Беляева («Человек-амфибия») и др. Широко распространилось эпическое изображение действительности с точки зрения будущего в исторической прозе 1920–1930-х гг. [7]. Писатель был не только связующим звеном между русской классической и советской литературой, но и ярчайшим представителем Серебряного века. В истории литературы М. Горький останется как творец новой художественной системы, основанной на синтезе разных методов и стилей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Анненский И.* Книги отражений. Литературные памятники. М.: Наука, 1979. 679 с.
- 2 *Волошин М.* Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы. М.: Книгоиздательство Творчество, 1919. 80 с.
- 3 *Воровский В. В.* Литературно-критические статьи. М.: ГИХЛ, 1956. 480 с.
- 4 *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 5: Письма. 1905–1906. 575 с.
- 5 *Горький М.* Полн. собр. соч.: в 25 т. Варианты к художественным произведениям. М.: Наука, 1975. Т. 3: Варианты к томам VIII–XII. 1907–1912. 709 с.
- 6 *Горький М.* Полн. собр. соч.: художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 8: Мать: Рассказы. Очерк. 1906–1910. 508 с. М.: Наука, 2013. Т. 16: Письма. Март 1926 — июль 1927. 980 с.
- 7 Литературное наследство / под ред. И. И. Анисимова. М.: Наука, 1963. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. 734 с.
- 8 *Луначарский А. В.* Литература нового мира: обзоры, очерки, теория / вступ. ст. и примеч. Н. П. Машовца. М.: Сов. Россия, 1982. С. 64–65.
- 9 Максим Горький: pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей 1890–1910-е гг. Антология. СПб.: Изд-во РХГА, 1997. 901 с.
- 10 *Оболенский Л.* Беседы о литературе и искусстве // Живописное обозрение. 1902. № 1, январь. С. 87–98.
- 11 *Ремизов А. М.* Встречи. Литературный буерак. Париж: LEV, 1931. С. 180–181.
- 12 *Савицкий Е.* Автобиография и постмодернистская теория // Новое литературное обозрение. 2019. № 159 (2). С. 7.
- 13 *Role S.* Fenomen Gorki. Le jeune d' Gorki et ses premiers lectures. Villeneuve 1 Ascq / France. 2007. P. 27.

© 2021. Lidia A. Spiridonova
Moscow, Russia

ON INNOVATIVENESS OF MAKSIM GORKY

Abstract: In Soviet literary criticism, Gorky's innovation was usually associated with his revolutionary activity, calling him “the first proletarian writer in time and rank” and “the founder of socialist realism”. The cliches of Marxist-Leninist aesthetics were so tightly attached to the writer that they survived to this day. The paper considers the work of Gorky from new methodological standpoint, since the writer from the very beginning

of his activity sought to create his own method of depicting life from the perspective of the future. Analyzing the novel “Mother”, which was considered the first work of socialist realism, the author shows that this novel was inextricably connected with a philosophical and aesthetic system of the Silver Age, and its genre (utopia novel) is consonant with the novels by A. Bogdanov “Red Star” and F. Sologub “Legend in the making”. The organic connection of Nietzscheanism with Marxism, and God-building with a realistic description of the revolutionary movement in the working settlement, was truly innovative. Gorky's sincere faith in socialism, which could become a new religion of the working person, was first expressed in an art work as a utopian dream of a happy future for Russia. Socialist mythology, combined with realism and romanticism, created an innovative method of depicting reality, which is characteristic of “Tales of Italy”, an autobiographical trilogy and “The Life of Klim Samgin”. Gorky's work came to be a link between the culture of the Silver Age and Soviet literature.

Keywords: M. Gorky, innovative, realism, modernism, creative method.

Information about the author: Lidia A. Spiridonova — DSc in Philology, Professor, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: spirid@mail.ru

Received: March 14, 2021

Date of publication: December 28, 2021

For citation: Spiridonova L. A. On innovativeness of Maksim Gorky. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 62, pp. 211–220. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-211-220>

REFERENCES

- 1 Annenskii I. *Knigi otrazhenii. Literaturnye pamiatniki* [Books of reflections. Literary monuments]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 679 p.: il. (In Russian)
- 2 Voloshin M. *Verkharn. Sud'ba. Tvorchestvo. Perevody* [Verharn. Fate. Creation. Translations]. Moscow, Knigoizdatel'stvo Tvorchestvo Publ., 1919. 80 p. (In Russian)
- 3 Vorovskii V. V. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow, GIKhL Publ., 1956. 480 p. (In Russian)
- 4 Gor'kii M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 24 t.* [The complete works. Letters: in 24 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1999. Vol. 5: Pis'ma. 1905–1906. 575 p. (In Russian)
- 5 Gor'kii M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 25 t. Varianty k khudozhestvennym proizvedeniiam* [Complete works: in 25 vols. Variants to works of art]. Moscow, Nauka Publ., 1975. Vol. 3: Varianty k tomam VIII–XII. 1907–1912 [Variants to volumes VIII–XII. 1907–1912]. 709 p. (In Russian)
- 6 Gor'kii M. *Polnoe sobranie sochinenii: khudozhestvennye proizvedeniia: v 25 t.* [Complete works: works of fiction: in 25 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 8: Mat': Rasskazy. Ocherk. 1906–1910 [Mother: Stories. Essay. 1906–1910]. 508 p. Moscow, Nauka Publ., 2013. Vol. 16: Pis'ma. Mart 1926 — iul' 1927 [Letters. March 1926 — July 1927]. 980 p. (In Russian)
- 7 *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], edited by I. I. Anisimov. Moscow, Nauka Publ., 1963. Vol. 70: Gor'kii i sovetskie pisateli. Neizdannaiia perepiska [Gorky and Soviet writers. Unreleased correspondence]. 734 p. (In Russian)
- 8 Lunacharskii A. V. *Literatura novogo mira: obzory, ocherki, teoriia* [Literature of the new world: reviews, essays, theory], introductory article and note by N. P. Mashovets. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1982, pp. 64–65. (In Russian)

- 9 *Maksim Gor'kii: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Maksima Gor'kogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei 1890–1910-e gg. Antologiya* [Maxim Gorky: pro et contra. Maxim Gorky's Personality and Creativity in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers of the 1890s–1910s. Anthology]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA Publ., 1997. 901 p. (In Russian)
- 10 Obolenskii L. Besedy o literaturk i iskusstve [Conversations about literature and art]. *Zhivopisnoe obozrenie*, 1902, no 1, January, pp. 87–98. (In Russian)
- 11 Remizov A. M. *Vstrechi. Literaturnyi buerak* [Meetings. Literary gully]. Parizh, LEV Publ., 1931, pp. 180–181. (In Russian)
- 12 Savitskii E. Avtobiografii i postmodernistskaia teoriia [Autobiography and postmodern theory]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, no 159 (2), p. 7. (In Russian)
- 13 Role S. Fenomen Gorki. Le jeune d' Gorki et ses premiers lectures. Villeneuve 1 Ascq [Phenomenon of Gorky. Young Gorky and his first lectures. Villeneuve 1 Ascq]. France, 2007, p. 27. (In France)